

©

Другов А.Ю.
ИБ РАН

ЧТО ПОКАЗАЛ ТЕРАКТ 14 января 2016 года в ДЖАКАРТЕ?

Четырнадцатого января 2016 г. на центральной магистрали индонезийской столицы Джакарты, произошел взрыв, унесший жизни восьми человек – трех прохожих и пяти террористов. Из последних четверо сами подорвали себя, а пятый был убит полицейскими. Ответственность за взрыв приняло на себя Исламское государство (ИГИЛ), хотя некоторые эксперты полагали, что это не соответствовало действительности – исполнение теракта было слишком любительским, а результаты ничтожными¹.

Однако показания арестованных участников акции, о чем подробнее пойдет речь ниже, подтвердили причастность ИГИЛ. Можно предположить, что сверхзадачей террористов является не число жертв, а демонстрационный эффект. Взрыв должен показать вездусущее могущество ИГИЛ и бессилие власти. Интересны выводы профессора Наньянгского университета (Сингапур) Фариш А. Ноор, проводившего полевые исследования в Индонезии. Если в сельских местностях в случае каких-либо бедствий люди сплачиваются и стремятся помочь друг другу, то в больших городах такого стремления нет, и горожане больше заняты собственными эмоциями и привычками. Поэтому города более привлекательны для террористов. Здесь почти повсеместно люди располагают сотовыми телефонами с встроенными фото- или видеокамерами. «Все, что выходит за рамки обыденности, будет, скорее всего, заснято и распространено через Интернет, а именно это нужно террористам. Современные формы терроризма суть продукт нынешнего века, эпохи немедленного удовлетворения потребностей, управляемых СМИ. Радикальные группировки, светские или религиозные, понимают, как живут подобные общества, и знают их уязвимые места»².

Террористический акт 14 января 2016 г. не был первым подобным событием в Индонезии. Крайний исламский радика-

лизм проявлял себя уже на первом этапе существования независимой Республики, в частности, на Западной Яве и Восточном Сулавеси, где имели место вооруженные мятежи против национального правительства. Хотя окончательно с этими движениями удалось справиться только к началу 1960-х гг., они не имели сколько-нибудь широкой поддержки в обществе, где мусульмане составляют около 90% населения.

То, что до 1965 г. радикальный ислам в Индонезии не получил массового распространения и массовой поддержки, в значительной, если не в решающей степени объясняется, по крайней мере, двумя факторами. Антизападная, националистическая политика, составляющая органическую часть исламизма, была весьма активно представлена в рамках государственной политики и идеологии, в особенности, начиная с 1956-1957 гг. Те элементы западной культуры, которые отвергают исламисты, почти в той же мере объявлялись нетерпимыми государственной властью. Социальная составляющая – идеи справедливости в распределении материальных благ, равенства, осуждение эксплуатации человека человеком – была отражена в деятельности влиятельной Компартии Индонезии, ее массовых организаций, обстановка в стране создавала у граждан ощущение политического участия.

Ситуация кардинально изменилась после государственного переворота 1965-1966 гг. и установления в стране военно-репрессивного режима «нового порядка». Вся левая часть политического спектра была подвергнута ликвидации вплоть до физического уничтожения, а ее идеология законодательно запрещена. Стратегия экономического развития с преимущественной опорой на иностранные инвестиции открыла пути для повседневного присутствия Запада во многих сферах общественной жизни. Интенсивное экономическое развитие срывало патриархальные покровы с отношений между социальными группами, обнажая имевшиеся противоречия и создавая новые. Драконовские меры властей по ограничению политической деятельности, исключение из жизни общества всех социально ориентированных идеологических течений оставляли на этом поле только государственную идеологию в том толковании, которое ей давали власти. Мусульманская религия оставалась

единственной идеологией, над которой не было властно государство. Ислам принял на себя функции и радикального национализма, и призыва к социальной справедливости. Весьма опасным для правящего режима стало превращение религии в единственную сферу, где индивид ощущал свой нравственный суверенитет. Религия и религиозные организации де факто заняли социальную нишу в общественной жизни. Мечети и мусульманские школы-интернаты стали центрами антирежимной пропаганды, куда не всегда осмеливались заглянуть представители власти.

Кроме того, осуществляя государственный переворот, армия использовала исламистских боевиков как исполнителей массового террора против коммунистов и всех заподозренных в левых симпатиях. Исламские боевики были призваны символизировать участие «народных масс» в подавлении левых организаций. В течение некоторого времени правящая армия пыталась привлечь остатки структур радикального ислама 1950-х гг. для мобилизации электората в пользу партии власти, но вскоре оказалось, что исламисты не склонны отождествлять свои интересы с интересами армии³. Активизировались сторонники превращения Индонезии в исламское государство, прибегавшие к различным методам для привлечения сторонников, вплоть до террора.

Мусульманские структуры были больше готовы к смене режима в 1998 г., чем гражданская элита, располагая развитой инфраструктурой, опытными и квалифицированными кадрами и не будучи скомпрометированы коррупцией. Эти структуры далеко не полностью контролировались системными мусульманскими объединениями Нахдатул улама и Мухаммадья. С началом демократических реформ в 1998 г. положение изменилось лишь отчасти. Осталось в силе табу на радикальные социальные идеологии, введенное в 1966 г. Поэтому, говоря о корнях и перспективах радикального ислама в Индонезии в наше время, включая развитие идей ИГИЛ, исследователь неизбежно приходит к выводу, что средой, в которой эти идеи существуют и развиваются, является вакуум позитивных социальных идей. Государственной идеологией, включенной в преамбулу основного закона и фактически изъятой из сферы научного критиче-

ского анализа, остаются пять принципов Панча сила, сформулированные в канун национальной революции 1945 г. ее лидером, будущим первым президентом Республики Индонезии Сукарно.

Принципы Панча сила включают в себя:

- вера в Единого Бога;
- справедливый и цивилизованный гуманизм;
- единство Индонезии;
- демократия, основанная на принципах консультаций и представительства;
- социальная справедливость для всего народа Индонезии.

Включенные в преамбулу конституции, эти принципы находятся как бы вне поля идеологической состязательности – все светские идеи социального устройства общества в реальности не обсуждаются. В то же время принципы ПС подвержены широкому спектру толкований, а продолжающийся процесс социального расслоения приходит в глубокое противоречие даже с этими весьма гибкими формулировками. Внесенные в конституцию в 1999-2002 гг. поправки, придавшие Республике характер современного демократического государства (полностью избираемый парламент, принятие решений путем голосования и др.), фактически пришли в противоречие с принципом консультаций и представительства, уходящим корнями в общинный уклад. При этом достаточно широкий спектр группировок, принадлежащих к политической элите, настойчиво утверждают, что эти поправки насаждают в стране чуждый ей дух западного либерализма и противоречат государственной идеологии. Наиболее настойчиво об этом говорят военные, им вторят мусульманские лидеры и даже М. Сукарнопутри, возглавляющая Демократическую партию Индонезии (борющуюся), которая привела к власти нынешнего президента Джоко Видодо, последовательного сторонника демократических реформ.

Распространено представление об индонезийском исламе как воплощении терпимости и готовности существовать с другими религиями и верованиями. Эти утверждения требуют существенных оговорок. Системная мусульманская элита страны в целом, по крайней мере, формально провозглашает терпи-

мость по отношению к пяти другим религиям, официально признанным в стране – протестантству, католицизму, индуизму, буддизму и конфуцианству. Однако в ряде случаев ее лидеры попустительствуют радикальным исламистам, преследующим вплоть до устройства погромов шиитов и сторонников мусульманской секты Ахмадия, препятствующим строительству христианских храмов и т.д.

На уровне «корней травы» эта нетерпимость проявляется спорадически, придавая религиозную окраску выплескам социального недовольства. Оно чаще всего порождается аграрными конфликтами, непродуманной политикой переселения избыточного населения (чаще всего с Явы), когда приезжие иноверцы вытесняют коренных жителей из традиционных сфер существования, социальным и экономическим неравенством, налагающимся на этноконфессиональные различия, и др. конфликты на окраинах влекут акции солидарности на Яве.

Это создает социальную почву для радикализации уммы. Первым серьезным сигналом в этом отношении стала реакция индонезийской общественности на теракт в Нью-Йорке в ноябре 2001 г. Он не вызвал в обществе сколько-нибудь серьезного осуждения, и реакция на него вписалась в традиционные латентные антиамериканские настроения, присущие многим, если не большинству индонезийцев. Да и в окружении президента М. Сукарнопутри сложились две точки зрения на то, какую позицию следует занять правительству страны. Как пишет индонезийский автор Татик Хафидз, начальник Государственного разведывательного управления генерал А.М. Хендроприйоно и министр обороны М. Абдул Джалил исходили из того, что международный терроризм представляет реальную угрозу для Индонезии, и выступали за самые решительные меры против воинствующего исламизма. Президент М. Сукарнопутри поначалу склонялась к недвусмысленному осуждению теракта, затем была вынуждена сменить свою точку зрения на более умеренную, сторонниками которой были вице-президент Х. Хаз, министр-координатор по политическим вопросам и безопасности генерал С.Б. Юдойоно, главнокомандующий вооруженных сил Э. Сутарто, начальник штаба сухопутной армии генерал Р. Рьякуду и начальник государственной полиции генерал Даи

Бахтиар⁴. Х. Хаз, например, осудив теракт в Нью-Йорке, одновременно выразил надежду, что это испытание поможет США избавиться от греха⁵. Террор воспринимался, прежде всего, в его антизападном, точнее антиамериканском аспекте.

Но еще до взрывов в Нью-Йорке аналитики предупреждали о террористической угрозе в стране. Один из таких аналитиков Хаснан Хабиб говорил в августе 2001 г., что затянувшийся экономический кризис, порождающий рост безработицы, побуждает людей присоединяться к террористическим группировкам⁶. Прогноз оказался обоснованным. 12 октября 2002 г. произошли взрывы в двух увеселительных заведениях на о. Бали, унесшие жизни более 200 человек, главным образом, иностранных туристов. Более 200 человек были ранены. Одновременно произошли взрывы у консульств США и Филиппин на о. Бали, где обошлось без жертв. За этим последовали взрывы у отелей «Мариотт» (2003 и 2009 гг.) и «Риц-Карлтон» (2009 г.), у посольства Австралии (2004 г.) и снова на Бали в 2005 г. Практически за всеми этими актами стояла организация Джамаа Исламия, связанная с Аль-Каидой. Целью ДИ было создание «Исламского государства Нусантара», охватывающего Малайский архипелаг, мусульманские районы Филиппин, Таиланда и Бирмы, а также Сингапур. Хотя мусульмане составляют меньшинство в этой стране, Сингапуру придавалось (и дается сейчас лидерами ИГИЛ) особое значение ввиду его положения в центре региона. С возникновением ИГИЛ угроза стабильности в регионе Юго-Восточной Азии соответственно возрастает.

Представляют интерес показания, которые дал один из организаторов взрывов на о. Бали Имам Самудра. Он заявил, что его главной целью были США. «Я ненавижу Америку, потому что именно здесь находится подлинный центр международного терроризма, который постоянно тиранил ислам... Я веду джихад, потому что месть – долг каждого мусульманина. Американские террористы и их союзники должны знать, что пролитая ими кровь мусульман не останется без отмщения»⁷. Через 12 лет достоянием гласности стало его письмо своему единомышленнику: «Брат мой, посвяти жизнь убийству неверных. Сделай своих внуков палачами, ведущими террор против неверных».

Примечательно, что это письмо он написал в тюрьме в ожидании исполнения смертного приговора⁸. В похоронах трех террористов, казненных за балийские взрывы, в их родных деревнях приняли участие сотни людей, считавших их воинами ислама и мучениками, но сколько-нибудь массовых выступлений, которых опасалась власть, не произошло, что само по себе примечательно⁹.

В показаниях и письме И. Самудра просматривается некоторое противоречие – адресность теракта на о. Бали и универсальность в письме, призывающем уничтожить всех неверных. Последний элемент приобретает абсолютное значение в идеологии и практике ИГИЛ, уничтожающего не только неверных, но и всех несогласных.

Интересны рассуждения бывшего главы антитеррористического ведомства Индонезии генерала полиции Аншаада Мбаи о главных источниках исламского радикализма. Он считает, что ислам с его обещаниями светлого будущего и райских куш исцеляет прежние и свежие раны в душах людей. Отсюда пропаганда исламистов – «Ислам наш выход» и «Ислам – чудодейственное средство». Другим источником, по оценке генерала, является раздражение людей внедрением западной политической, социальной и экономической системы, внутри которой идеи демократии, секуляризма, плюрализма и свободного рынка воспринимаются значительной частью мусульман в Индонезии исключительно как средство давления¹⁰. А. Мбаи на первое место справедливо ставит светские (внутренние и международные) факторы, порождающие религиозный фанатизм. Он далее пишет: «Экономическое и культурное доминирование Запада под преимущественным главенством Америки в течение полувека или более того объединяет мусульман в уверенности, что так называемый международный порядок дискриминирует их и должен быть изменен, если потребуется - силой»¹¹.

Идея создания исламского государства как в пределах самой Индонезии, так и на территории нескольких государств, всегда встречала в умах индонезийских мусульман двойственное отношение. Националистическое по преимуществу самосознание большинства индонезийцев, в особенности, образованных слоев, встречает эту идею с настороженностью, поскольку

ее осуществление чревато в первом случае утратой восточных районов с преимущественно христианским населением и острова Бали (индуисты), а во втором, - утратой национального суверенитета. Единство государства и его суверенитет суть высшие ценности, и статья 37 основного закона (п.5, внесенный в 2002 г.) гласит, что унитарный характер государства не подлежит изменениям.

Сменивший А. Мбаи на посту главы Национального управления по борьбе против терроризма генерал полиции Тито Карнавиан считает, что ИГИЛ представляет собой источник самой серьезной опасности, в том числе и для Индонезии, располагая своей территорией, а следовательно, и собственными системами и сетью, базирующимися на этой территории. Это – долгожданное для многих мусульман исламское государство, и потому так много людей двинулись туда из Европы, Африки, Австралии и Азии. ИГИЛ подражает действиям пророка Мухаммеда, и его исход в Мекку стал прообразом для нынешних сторонников ИГИЛ, видящих в Сирии своего рода землю обетованную (Quaidah Aminah). «Они переводят действия Пророка в современные условия». Еще опаснее то, что объявляя всех несогласных еретиками, ИГИЛ тем самым одобряет их убийства. Ранее радикальные исламисты не взрывали мечетей, что произошло в 2012 г. в Индонезии¹².

Как представляется, привлекательность идеологии и практики ИГИЛ определяется двумя основными факторами:

- социальная справедливость; в условиях временного отступления социалистической идеи ей на смену пришла уродливая, извращенная идея равенства правоверных и их превосходства над неверными. Они имеют исключительное право на существование;
- непосредственно с этим связано отчуждение, коррумпированность светской власти. Жесткое введение норм шариата, даже террор воспринимаются как утверждение правопорядка в противовес коррупции и кумовству в элите.

Регион Юго-Восточной Азии представляет собой особый интерес для ИГИЛ, хотя, вообще говоря, мусульмане в арабских странах, на родине ислама, склонны относиться к своим единоверцам в этой части мира, где мусульманская вера в су-

щественной мере синкретична, налагаясь на предшествовавшие ей автохтонные верования, индуизм и буддизм. Однако Юго-Восточная Азия, мусульманское население которой составляет примерно четверть всемирной уммы, насчитывающей свыше 1,6 млрд. человек, стала естественным объектом стратегии Исламского государства. Этот регион расположен на стратегическом перекрестке морских коммуникаций, и, как говорилось выше, исламисты придавали ему большое значение еще до возникновения ИГИЛ. Что касается Индонезии, то о лояльности ИГИЛ здесь заявили исламистские группировки «В защиту единобожия» (Ansyaad Tauhid) и Моджахеды Восточной Индонезии (Центральное Сулавеси)¹³. В Сирии действует Боевое соединение Малайского архипелага (Katibah Nusantara), в котором, по данным на январь 2016 г., состояло около 700 боевиков из Индонезии и 200 из Малайзии¹⁴. В их числе все чаще оказываются люди с высоким образовательным уровнем, бывшие государственные служащие и даже офицеры полиции.

Руководитель Института политического анализа конфликтов (Institute for Policy Analysis of Conflict) Сидни Джоунс отмечает, что большинство индонезийских граждан, отправляющихся в Ирак и Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, женщины и дети. Из 235 индонезийцев, перехваченных в Турции, они составляли 60%. «В ряде случаев женщины были инициаторами переезда», - говорит С. Джоунс, ставя под сомнение идею, что главным мотивом является желание взяться за оружие. Она считает, что индонезийцами, как и выходцами из других стран, руководят стремление помочь собратям по вере из гуманных соображений, вера в предсказание о конце света и желание, чтобы их дети росли в исламском государстве. По ее данным, женщины и дети составляют 45% индонезийцев, присоединившихся к ИГИЛ¹⁵. Многие дети, оставшиеся сиротами в результате цунами в северной части о. Суматра в 2004 г., попали под влияние организаций Джемаа Исламия и Моджахеды Восточной Индонезии и отправлены в лагеря в Ираке и Сирии, где их готовили к террористической деятельности, обучали обращению с оружием и взрывчаткой¹⁶.

По данным Национального управления по борьбе против терроризма, около 2,7 млн. индонезийцев (свыше 1% всего

населения страны) прямо или косвенно связаны с террористическими группировками, которых в стране насчитывается около 12. Однако непосредственно с ИГИЛ (на конец 2015 г.) были связаны около 1000 человек, в том числе упоминавшиеся выше Моджахеды Восточной Индонезии. В их рядах до последнего времени находились несколько выходцев из Китая (уйгуров). Отмечается существенный рост численности сторонников ИГИЛ – в 2014 г. их насчитывалось всего 60¹⁷.

Говоря о причинах этого явления, Асад Саид Али, заместитель генерального председателя организации Нахдатул Улама и бывший заместитель начальника Государственного разведывательного управления, указывает: «Аль-Каида и ИГИЛ, ныне ставшие глобальной проблемой, в основе своей представляют форму борьбы радикальных исламистов во всемирном масштабе против мировой несправедливости. Цели их борьбы способны привлечь молодежь, имея в виду несправедливость по отношению к Палестине, экономическое доминирование Запада, приводящее к неравномерному социально-экономическому развитию в других странах, в том числе исламских, и культурную экспансию Запада, которая, как считают, своим гедонизмом и материализмом, разрушает исламские ценности. Несправедливость, рожденная политикой Запада, легко осмысливается молодежью и возбуждает ненависть к Западу. ИГИЛ быстро овладевает также умами экономических маргиналов»¹⁸. Не оспаривая в целом этот анализ, заметим, что он как бы снимает ответственность с национальных элит и властных структур, перекладывая ее почти полностью на Запад.

Что касается методов борьбы с угрозой, то взрыв 14 января 2016 г. показал, что в этой сфере в стране отсутствовал элементарный порядок. Сюзан Сим, научный сотрудник Института международных исследований им. С. Раджаратнама в Сингапуре, и Ноор Худа Исмаил, научный сотрудник Монашского университета в Мельбурне (Австралия), посетили 25 мест заключения в Индонезии, ознакомились с делами 40 террористов-рецидивистов, интервьюировали самих заключенных, сотрудников мест заключения и освобожденных террористов. Их вывод: «В тюрьмах, где содержится значительное число террористов, они не отвечают ни перед кем, кроме самих себя, они

сами решают свои повседневные дела и лишь настолько подчиняются тюремным правилам и участвуют в так называемых мероприятиях по дерадикализации, насколько их самих это устраивает. При этом заключенные-террористы пользуются особыми привилегиями. Члены семей, другие родственники и друзья могут посещать их почти каждый день». Их единомышленники имели к ним неограниченный доступ, снабжая их литературой и прессой, выносили из мест заключения письма и статьи для печати и т.п. Только после теракта 14 января было решено ограничить круг посетителей, оставив доступ для родителей, супругов, детей, братьев и сестер и родителей супругов¹⁹. Сингапурская газета «Стрейтс таймс» (19.02.2016) писала, что даже в самой режимной тюрьме на острове Нусакамбанган условия содержания заключенных, включая террористов, настолько либеральны, что они располагают средствами связи и участвуют в деятельности своих единомышленников, находящихся на свободе. Осужденный за связи с ИГИЛ и создание учебного лагеря для террористов Аман Абдурахман, подозревался в том, что, будучи в заключении, участвовал в подготовке теракта 14 января. При обыске у него были найдены шесть сотых телефонов и исламистская литература. Источники газеты не исключали содействия ему со стороны коррумпированной охраны.

Индонезийская полиция установила, что теракт 14 января финансировался напрямую ИГИЛ. Арестованный участник теракта Абу Гар показал, что Аман Абдурахман вызвал его к себе в тюрьму и сказал: «Мы должны повторить акцию в Париже. Это приказ ИГИЛ». Вместе с ним в тюрьме действовал Дармаван Мунтхо, приговоренный к смерти за взрыв у посольства Австралии в Джакарте в 2004 г. В 2014-2015 гг. из-за рубежа террористы получили более 10 млрд. рупий (около 700 тыс. долл.)²⁰.

Инициатива правоохранительных органов Индонезии по внесению поправок в законодательство по борьбе против терроризма встретили весьма настороженное отношение со стороны правозащитных организаций, что отражает всю многомерность политического развития поставторитарной Индонезии. Высказываются опасения, что расширение прерогатив спец-

служб по задержанию подозреваемых, лишению их права на выезд за пределы страны или на возвращение в Индонезию будут использованы в ущерб правам человека. Авторитаризм военного режима еще достаточно свеж в памяти людей. Возникает, в частности, беспокойство, что к борьбе против террористов будет привлекаться армия, тогда как по действующему законодательству этим должна заниматься полиция, а войска участвуют лишь по прямому указанию президента и с одобрения парламента²¹.

Для этого беспокойства есть основания. Проблема борьбы против терроризма используется военной верхушкой для формального возвращения армии самостоятельной политической роли в стране. В июне 2016 г. начальник штаба вооруженных сил вице-адмирал Дидит Херниаван выступил за то, чтобы в закон о борьбе против терроризма были внесены поправки, в соответствии с которыми терроризм будет квалифицироваться не как уголовное преступление, а как акт агрессии против страны. Это позволило бы вооруженным силам действовать непосредственно и самостоятельно, независимо от полиции. Адмирал указал, что террористы располагают собственными военными организациями, вербуют сторонников и дают им военную подготовку, что создает угрозу территориальной целостности страны. Начальник военной стратегической разведки генерал-майор Яйят Судраджат считает, что сдерживание терроризма должно стать главной задачей вооруженных сил, располагающих необходимыми для этого возможностями в приграничных районах Папуа, в Центральном Сулавеси и на Амбоне²². При этом, если на Ц. Сулавеси (район Посо) действительно действуют террористы, связанные с ИГИЛ, то в Папуа и на Амбоне сепаратистские проявления исходят от христианских слоев.

Правительство воздерживается от участия в коллективных военных операциях против ИГИЛ в Сирии и Ираке, как представляется, по двум главным причинам – нежелание отступить от принципа неприсоединения, основы внешнеполитической доктрины страны, и опасение, что сотрудничество с Западом в подавлении исламистов вызовет негативную реакцию мусульманской общины Индонезии. Но, отказываясь от участия в во-

енных операциях, силовые структуры Индонезии сотрудничают со спецслужбами Австралии, США, Сингапура²³. Выступая в связи с публикацией концепции стратегии обороны страны 21 января 2016 г., министр обороны Р. Рьякуду обозначил терроризм среди прочих угроз государственным интересам Индонезии. Он отметил, что Индонезия готова сотрудничать с другими государствами в борьбе против этого зла²⁴.

В феврале 2016 г. Индонезию посетил секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев. Он встретился с президентом Джоко Видодо, министром-координатором Л. Панджаитаном, министром иностранных дел Р. Марсуди, министром юстиции и по правам человека Ясона Лаоли, начальником полиции Б. Хаити. Комментируя итоги встречи, Л. Панджаитан сообщил о достигнутой договоренности обмениваться разведывательной информацией, в том числе по проблеме терроризма (он при этом заметил, что сейчас Индонезия слишком ориентируется на Запад)²⁵.

Индонезийские аналитики и политические деятели, как мы видели выше, в целом видят социальные и политические (внутренние и внешние) корни радикального исламизма и вырастающего из него терроризма. Они отдают себе отчет в том, что одними силовыми мерами эту угрозу не преодолеть. Генерал-инспектор полиции Тито Карнавиан при введении его в должность главы Национального управления по борьбе против терроризма 16 марта 2016 г. заявил, что необходимо, прежде всего, уяснить мотивы террористов и в зависимости от этого дифференцировать свои подходы. «Мы должны лучше координировать меры по перевоспитанию и профилактике, подключить к их осуществлению неправительственные организации и силы гражданского общества». Президент Джоко Видодо в связи с этим выступил за то, чтобы не ограничиваться силовыми методами, и призвал священнослужителей и мусульманских лидеров помочь правительству проповедью ислама как религии мира²⁶. Примечательно, что в известном смысле радикальнее всех высказался министр-координатор генерал Лухут Панджаитан, который считает, что усилий служб безопасности будет недостаточно, если не принять меры для преодоления неравен-

ства в экономическом положении людей и распределении материальных благ²⁷.

Осуществляется координация деятельности Национального управления по борьбе против терроризма, Государственного разведывательного управления и Совета улемов Индонезии. Проповедники из Совета и системных мусульманских организаций направляются в те мечети и мусульманские школы-интернаты, где спецслужбы выявляют факты проповеди экстремизма и терроризма. Генеральный секретарь Совета улемов Тенгку Зулкарнаин сказал: «Мы будем проводить беседы со священнослужителями, направлять их в духе умеренного ислама, воздействовать на их менталитет». Проповедников будут посылать и в места заключения, где содержатся около 200 приговоренных террористов²⁸.

Но, как представляется, успех здесь возможен при условии реальных шагов по преодолению социальных факторов, порождающих терроризм, и реальной состязательности идей в индонезийском обществе. Превращение государственной идеологии в заклинание, перед которым должны отступить все идеологии, вряд ли может быть реальным выходом.

¹ The Straits Times (Singapore), 17.01.2016.

² The Straits Times, 26.01.2016.

³ Ansyad Mbai. *Dinamika Baru Jejaring Terror di Indoned\sia*. Cetakan III, Jakarta, 2014. Hal.81-82.

⁴ Hafidz, Tatik S. *The War on Terror and the Future of Indonesian Democracy*// Institute of Defense and Strategic Studies (IDSS) Working Paper No 46, Singapore, March 2003. P.5.

⁵ *Economist* (L), No.39, 29.09.2001. P.68.

⁶ The Straits Times, 17.08.2001.

⁷ *PIAS Newsletter* (Singapore), July 2003. P.3. На низовом уровне в стране распространилось убеждение, что к терактам на о. Бали причастны США, поскольку не пострадал ни один американский гражданин, а взрыв у консульства этой страны был вообще маломощным.

⁸ The Straits Times, 05.04.2014.

⁹ The Straits Times, 10.11.2008.

¹⁰ Ansyad Mbai. *Op. cit.* Hal.196-197.

¹¹ *Ibid.* Hal. 194-195.

- ¹² Antara News.com., 31.03.2016.
- ¹³ The Straits Times, 17.02.2016.
- ¹⁴ The Straits Times, 20.01.2016.
- ¹⁵ The Straits Times, 27.01.2016.
- ¹⁶ The Straits Times, 14.01.2016.
- ¹⁷ The Straits Times, 22.01.2016.
- ¹⁸ Gatra.com. (Jakarta), 31.03.2016.
- ¹⁹ The Straits Times, 26.01.2016.
- ²⁰ The Straits Times, 17.01.2016.
- ²¹ The Jakarta Post, 10.06.2016.
- ²² The Jakarta Post, 16.06.2016.
- ²³ The Straits Times, 22.12.2015.
- ²⁴ The Jakarta Post, 22.01.2016.
- ²⁵ Antara News.com., 10.02.2016.
- ²⁶ The Jakarta Post, 17.03.2016.
- ²⁷ The Straits Times, 26.01.2016.
- ²⁸ The Jakarta Post, 04.05.2016.